

Эта книга — история одной семьи в хронологическом охвате с 1913 по 1958 год. Ее автор — Борис Николаевич Христенко, инженер, человек известный в научных кругах нашего края, многолетний педагог Челябинского политехнического института. Свои записки-воспоминания он писал для себя и своих близких, проводя через всю книгу справедливую мысль: «Жизнь каждого человека заслуживает того, чтобы о нем написали книгу... Еще лучше, если бы такая книга описывала жизнь его потомков и предков, чтобы можно было проследить связь поколений, эволюцию отдельной семьи в тех изменениях, что происходят в обществе. Сколько замечательных сюжетов для повестей и романов подарили бы человечеству такие записки!»

По существу, Борис Христенко, проживший долгие, насыщенные яркими, порой драматическими, событиями жизнь (1919-1998), именно в таком ключе открывал перед читателем связи-главы о себе, о своем роде и о том времени-эпохе, когда приходилось не только жить, но и выживать «в условиях узаконенной несправедливости».

Три главы большого повествования вобрали в себя воспоминания о дорогих родителях — матери Матрене Ивановне и отце Николае Григорьевиче.

«Мама была создана для мужа, для семьи и всю себя отдавала нам. Не сомневаюсь, многое во мне и брате заложено матерью. Отец наш, строгий верховный судья, приучил нас к обязательности, исполнительности и инициативе, поощрял все наши ребячьи выдумки», — вспоминал Борис Николаевич.

Воспоминания о жизни в родительском доме красной нитью проходят по всей книге. Уроженцы Полтавщины, отец и мать вырастили двоих сыновей Бориса и Владимира, дав им в наследство любовь, тепло и мастерство — все, что помогало детям выстоять в этой сложной жизни. Родившись во Владивостоке, Борис Христенко детство и юность провел на Дальнем Востоке. Отец его в числе активистов-железнодорожников был направлен советской властью в 1926 году за границу, в Маньчжурию, на Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД) в Харбин, в управление дороги, когда на паритетных началах восстанавливались права Советской России. Жизнь семьи в Харбине первые три года проходила вполне благополучно и в достатке, до тех пор, пока в 1929 году не разразился советско-китайский конфликт на КВЖД. Работа железной дороги была парализована. Началась безработица, сказавшаяся и на семье Христенко. К этому добавились еще и притеснения со стороны эмигрантов-белогвардейцев, японских военных, конных отрядов бандитов-китайцев («хунгузов»), грабивших пассажирские и грузовые поезда.

Светлым воспоминанием для Бориса стали годы, проведенные в стенах Индустриально-транспортного техникума КВЖД для детей граждан СССР в Харбине. «Много в жизни моей было маленьких и больших удач, только годы, проведенные в Техникуме, нельзя сравнить ни с чем, я считаю их самыми счастливыми, полезными и памятыми в своей судьбе. Почему я пишу слово «Техникум» с большой буквы? Потому что его роль, его значение в моей жизни можно сравнить только с Отцом и Матерью, давшими мне жизнь. Если говорить правду, то всеми своими знаниями, технической подготовкой, успехами в высшей школе, авторскими свидетельствами и работой над диссертацией я обязан Техникуму и тому коллективу преподавателей, с которыми счастливо связала меня судьба. Вечная память и благодарность навсегда остались в моей душе», — писал автор книги о днях своей молодости в Маньчжурии.

В 1935 году, не желая ввязываться в войну с Японией, СССР отказался

СВЯЗКА

ВЕЧНЫХ СЛОВ

Заметки о книге Б. Н. Христенко «Повесть о пережитом»

от своих прав на Китайско-Восточную железную дорогу. Началось великое переселение «кавэжидцев» числом более 150 тысяч человек. С одной из первых партий в Советский Союз выехала и семья Христенко. «Мы переехали в Россию в новые условия жизни. Работают и отец, и мать. Вовка доучивается в консерватории. Я — на «своих хлебах». Материальное благополучие восстановлено, но семья распалась. Город Ташкент, 1935—1937 годы. Пишу весте «мы», так как уверен, что воспоминания моего брата Владимира были бы примерно такими же. Обидно, но вся семейная хроника трагических обрывается в июне 1937 года...», — объясняет этот период жизни семьи автор книги, делая окончательный вывод о том, что происходило в то далекое советское время:

«В июне 1937 года все этапы совместной жизни неожиданно прервались. Всех рассадили в разные клетки... Наступил жуткий 1937 год. Где-то в верхах какой-то параноик задался целью выловить всех кавэжидцев, взрослых и детей, и отправить их в тюрьмы, лагеря, детские дома и спецпоселения, чтобы не осталось никого в живых. Все предьявили одно стандартное обвинение: контрреволюционная деятельность, шпионаж в пользу иностранного государства. Директиву Центра на местах, как положено, выполнили и перевыполнили. В эти годы решилась судьба трех поколений несчастных русских людей, бывших работников КВЖД, вернувшихся в Россию... В живых и в виде полуплюпов остались единицы... Произвол Фемиды — это название

самое подходящее... Потому что все, что происходило со мной в дальнейшем, ни одним человеческим законом не объяснить, его не может принять ни одно общество. Все пределы пренебрежения к человеку, как существу тебе подобному, все законы христианские и догмы святой инквизиции в одночасье превратились бы в прах перед производом «человека с ружьем» с того момента, как за тобой клацнул замок окованной двери».

В кровавый 1937 год в подвалах сталинско-ежовской охраны оказались все семья Христенко: отец, мать и их сыновья Владимир и Борис. Отец бесследно сгинул в лагере, мать после мытарств на лагерных этапах умерла инвалидом в 1946 году. Владимир, душевно надломленный, вернулся из пересыльной тюрьмы в Полтаву, в 1941 году был угнан фашистами в Германию (после войны, как «перемещенное лицо», оказался в Америке, где и умер в 1981 году, еще успев порадоваться рождению внучатого племянника Владимира, названного в его честь; в последнем письме так и написал: «Теперь можно умереть! Будет жить на свете новый Владимир Христенко»).

Борис, едва успев проголосовать за сталинскую конституцию, 30 декабря 1937 года был арестован. Далее началось «все невольное», начиная с «пахнущего гнилью и плесенью помещика» — бывшего овощехранилища, ставшего КПЗ, и полтавской тюрьмы на улице Пушкина (позция советской неволи!) «со стенами метровой толщины», что были «рассчитаны на все

режимы для всех народов!..» А затем были этапы большого эжовского пути: Сухобезводное, Унжлаг, лесные командировки лесоповалов. На них Борис Христенко уяснил в полной мере несложный кодекс тюремных правил: «Главная заповедь — не высовываться! Главная цель — подавить в тебе все человеческое, доказать тебе, что ты ничтожество! Главная трудность — остаться Человеком!»

О том времени он размышлял так: «Сначала человека сажают в тюрьму, а потом всей силой государственно-репрессивного аппарата доказывают его вину. Предварительно месяцами изнурительной физической пыткой, содержанием в нечеловеческих условиях ломают его волю. Заранее известно, что ни один из заключенных на волю не выйдет, и всякое сопротивление бесполезно. Твоя вина уже доказана. Никакого суда, где ты можешь как-то оправдаться, не будет... Когда с людей содраны все мундиры, сняты все цапки, которыми они себя укрывали, и они в одной грязной майке валяются на нарах, на равных с тобой, как легко обнаруживаются их человеческая сущность, их настоящая цена! Остается только удивляться, как такое ничтожество могло кем-то руководить, подчинять себе других, вообще что-то делать?»

Многоту я научился в этих условиях, сильно пополнилась моя юношеская копилка знаний о поведенческой психологии взрослых людей. Да! 1937 год был страшным, ужасно жестоким. Погибли миллионы ни в чем не повинных людей, но и сволочи разной, нечисти

вместе с ними унесло немало. Обидно, что цена за очищение человеческого общества от этого мусора была неоправданно высокой».

За десять лет неволи (1937—1947) многое было у эзка Бориса Христенко, о чем он сам пишет в книге: «Прошел я все должности лагерных «придурков»: от десятника до прораба. Здорово научился я разбираться в лесных делах, поработал на всех работах, связанных с лесоповалом. Был грузчиком на складе, научился укладывать и увязывать круглый лес на железнодорожных платформах, был коногоном, то есть вывозил основные бревна по лежневкам на склад, научился наваливать любой толщины бревно на двухколесный передок и вытаскивать его из леса... Был награжден четырьмя грамотами «За высокие производственные показатели». Вошел, как говорят, в роль и, казалось, навсегда устроился в этой жизни. Только однажды за завтра? Что изменится? Что потом?..» И забылась обида на украденные из жизни десять лет. Снова новая жизнь, удивительная, непознанная».

Конечно, обида не забылась. Борис Николаевич всегда помнил поименно своих обидчиков («сраловодов», как он их называл), которые преследовали его и в заключении, и в годы после освобождения, когда, вплоть до 1958 года, была, по его словам, «свобода хуже неволи». Города Горький, Темиртау, Караганда, Зувка (Донбасс), Троицк, Челябинск стали производственными этапами инженера-самородка Бо-

риса Христенко. Практически любое производство (разбитое, расхлябанное) он превращал в образцово-показательное.

Обычное ярмо советского подневольного труда с закабалением рабочих людей самых разных профессий превращалось, благодаря смекалке и основательному трудолюбию, как учил еще его отец, действительно в трудовой праздник, когда «рабочие искренне радовались общему успеху». Но завистники и стукачи-кадровики все равно мешали жить. Не зря на малых предприятиях обходились отдельными кадрами, на больших — создавали первые отделы.

«Я, по мнению отдела кадров ЗЛМЗ, очень подходил на роль резидента: грамотнее иного инженера, предан производству, даже спит в цехе, выправил дела КСЦ, зарабатывает авторитет, лишнего не болтает, а главное — без документов и с подозрительным паспортом. А потом: как это в цехе на сто девяносто человек, где сорок четыре коммуниста, не нашли начальника, а все возглавляет бывший эзек? Явный негодяй, мало ли что за него директор. Директора тоже можно на место поставить!.. И нашлись коммунисты, которые, демонстрируя преданность КПСС и свою бдительность, на одном из партсобраний так и поставили этот вопрос...»

Уходил я с гадким чувством раздаленности. Не знал, что еще много лет меня будут преследовать на всех предприятиях, куда бы я ни поступил. Десять лет в лагере я вспоминал как счастливую жизнь, где все было определено

и настроено. Колочая проволока, лай овчарок, дикость каждого, кто был при погоне, и готовая пайка хлеба с утра тебе гарантированы. А больше никаких забот. Какой это лагерь? Это — свобода. А неопределенность твоего положения, унижение, несправедливость, ежедневная забота о хлебе, о семье, о ребенке! Какая это свобода? Это — каторга.

После лагеря мне досталось еще десять лет каторги. Вот такая жизнь. С восемнадцати до двадцати восьми лет — тюрьма, лагерь, судилище и «высшая мера», а с двадцати восьми до тридцати восьми — значительно более жестокая, морально и психологически, каторга. Она могла продолжаться всю жизнь, если бы в 1953 году не умер «великий вождь всех народов» и под ногами властей предрержавших не зашаталась земля. Первый раз я вздохнул полной грудью в 1958 году, когда получил справку о реабилитации, восстановлении человеческого достоинства в связи с тем, что «постановление от 5 октября 1938 года (приговор «тройки») отменено и дело прекращено». А через несколько дней получил новый нормальный чистый паспорт», — рассказывал свою исповедь о пережитом Борис Николаевич.

Но в личной жизни он обрел свое счастье, встретив в Троицке Людмилу Никитичну Русину.

«О счастливой жизни нужно писать отдельно, а пока можно с уверенностью сказать, что с Людмилой пришел покой в мою мятежную душу, появилась цель в жизни, жизнь приобрела смысл. В 1957 году у нас родился сын Виктор. В это имя мы вложили большой смысл. Виктория — это Победа. Победа над обстоятельствами, когда они все против вас. Победа над людьми, пророчащими вам гибель и делающими все, чтобы ее ускорить. Победа над собой, когда наступает кризис, силы оставляют тебя и хочется уйти из этой жизни. Сын — это здорово. Не прервется родовая линия Христенков, едва не погасшая в пламени смутного времени на Руси... Правительство приняло мудрое решение: восстановило права невинно осужденных в 1937 году и реабилитировало всех живых и умерших (посмертно). Для тех, кто когда он призывал читателя сохранять веру в себя, которая «многократно увеличивает силу вашего духа... С верой придет надежда... Подоспел светлое чувство настоящей любви... Вера — надежда — любовь, могучая связка вечных слов. Жизнь держится на них. Об этом книга, которую вы держите в руках», — настаивательно писал автор в предисловии. По прочтении книги Б. Н. Христенко «Повесть о пережитом» (издательство Локус Стэнди, М., 2009, иллюстрации художника Владимира Фомичева, фотографии и документы из домашнего архива автора) мы убеждаемся в очевидной правоте этого утверждения.

АЛЕКСЕЙ КАЗАКОВ